

ИСТОРИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 902/904

doi 10.17072/2219-3111-2026-1-89-101

EDN: ХМСУЈМ

ASJC 2215

ГРНТИ 03.29, 67.11

Ссылка для цитирования: *Горохов С. В.* Тарасы в фортификации и гражданском зодчестве Русского (Российского) государства // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 1(72). С. 89–101. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-1-89-101. EDN: ХМСУЈМ

**ТАРАСЫ В ФОРТИФИКАЦИИ И ГРАЖДАНСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ
РУССКОГО (РОССИЙСКОГО) ГОСУДАРСТВА¹*****С. В. Горохов***

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

gorokhov.sv@yandex.ru

Scopus Author ID: 26428740200

Researcher ID: P-9710-2016

SPIN-код: 3286-3059

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в выяснении значений термина «тарасы», обозначающего различные конструкции в фортификационном и гражданском зодчестве в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – XIX в. Источниковая база исследования представлена письменными, археологическими и этнографическими материалами. В статье реконструируется устройство тарас как основы ворот. Они представляют собой два сруба, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, между которыми устанавливались ворота. На тарасные срубы в отдельных случаях могла опираться башня-надстройка над воротным проездом. Тарасы, заполненные грунтом, служили подпорной стенкой разрезов валов в местах их разрыва, где устраивались проезды. В боковые стороны высоких башен врубались тарасные срубы, которые, вероятно, заполнялись грунтом. Они служили для увеличения площади основания башен и снижения уровня их центра тяжести, что придавало им большую устойчивость. В низких топких местах на засечных чертах возводились тарасы небольшой протяженности. Выделяется два типа таких тарас: 1) две параллельные венчатые стены с перерубами, заполненные грунтом (высота и ширина 1–1,5 сажени); 2) две параллельные венчатые стены с перерубами высотой в 3–5 венцов, внутри которых располагалась грунтовая насыпь. Тарасы служили бруствером на раскатах и быках, защищая артиллерию и ее службу во время боя. Весьма скудные данные имеются об отдельных тарасах-срубках, заполненных грунтом, служивших в качестве полевых укреплений, штурмовых тарасах-башнях и относительно небольших мобильных тарасах, применявшихся при штурме крепостей. В области гражданского зодчества тарасы применялись в качестве обрубов берегов, образующих набережные, а также в качестве тела плотин на реках. Результаты исследования, представленные в настоящей статье, а также выводы проведенных ранее исследований показывают, что под термином «тарасы» в письменных источниках второй половины XVI – XIX в. подразумевается весьма широкий спектр конструкций, обусловленных их функциональным назначением.

Ключевые слова: Российское государство, фортификация, засечные черты, гражданское зодчество, тарасы, ворота, разрезы валов, башня, тарасный вал, бруствер, обруб, плотина.

В ходе исследования, результаты которого представлены в серии статей, было установлено, что под термином «тарасы» в письменных источниках второй половины XVI – первой половины XVIII в. подразумевается несколько различных схем конструктивного устройства фортификационных сооружений. Сначала было выяснено: тарасы не являются двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами [Горохов, 2025a], что является наиболее распространенной версией в историографии в настоящее время. Затем – тарасы представляли собой

отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга и соединенные между собой стеной по линии внешних стен этих срубов. Далее было выяснено, что отдельные срубы-тарасы могли соединяться друг с другом венчатой [Горохов, 2025b] или тыновой стеной. Во втором случае срубы-тарасы служили опорами, между которых устанавливались пролеты тыновых стен. Срубы-тарасы нередко пристраивались к сплошной тыновой стене со стороны двора города или острога и служили опорой для помоста [Горохов, 2024]. Существовала также конструкция, сочетавшая в себе «низкие» (3–5 венцов) тарасы и тын. Тарасами называлась не конструкция стены в целом, а только срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга и служившие опорной конструкцией стены и/или помоста. Такие срубы никогда грунтом не заполнялись. Тарасами, заполненными грунтом, называлась двойная венчатая внешняя стена шириной около 1 м, которая обычно возвышалась до нижнего ряда бойниц. Выше стена была однорядной. Специфическим было устройство тарас, сочетавшихся с каменными (кирпичными) стенами и башнями крепостей. Однако этим не исчерпывается разнообразие значений термина «тарасы». В связи с этим целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, было выяснение дополнительных значений этого термина, обозначающего различные конструкции в фортификационном и гражданском зодчестве.

По всей видимости, в XVII в. существовал особый тип конструкции ворот – тарасные ворота. При описании фортификационных сооружений в Большом селе на р. Емец сообщается, что «у острогу трои ворота, а у них рублены тарасы. А на воротах башни» [Богословский, 1909, с. 116]. Вероятно, острожные стены были тыновыми, так как тарасы упоминаются только в связи с воротами. Важно также то, что ворота и башня – это разные конструкции в представленном описании. В 1679/1680 г. в Киеве «по обе стороны ворот зделанные подошвенные мушкетные бои, да по обей же стороны укрепления рубленные тарасы деревянные» [Алферова, Харламов, 1982, с. 129]. Из этого описания следует, что по обеим сторонам от ворот были некие тарасы. По всей видимости, именно в них были устроены бойницы. В противном случае придется предположить, что между воротами и тарасами размещалось еще какое-то сооружение, в котором были сделаны бойницы. И. А. Воротникова и В. Н. Неделин, характеризуя укрепления Нижнего Ломова в 1670 г., пишут, что «на посаде упоминается четверо “тарасных” ворот» [Воротникова, Неделин, 2016]. Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова указывают, что в 1626 г. в Новгороде «при шведах проезжая Владимирская башня была превращена в глухую: “и те ворота при немцах зарублены тарасом и засыпаны хрящом”» [Кузьмина, Филиппова, 1989, с. 26]. Данное сообщение источника можно интерпретировать иначе. При немцах устроены тарасные ворота (а не проезжая башня превращена в глухую), а сами тарасы наполнены грунтом. На этих воротах была устроена башня (как в Большом селе на р. Емец), называвшаяся Владимирской. Предложить альтернативную интерпретацию приведенного описания Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой не позволило отсутствие знания о том, что был такой вид конструкции ворот, как тарасные ворота.

На основе этих данных можно в самых общих чертах воссоздать устройство тарасных ворот. Они представляли собой два сруба, которые и назывались тарасами, поставленные на некотором расстоянии друг от друга. На них крепились верейные столбы. Срубы-тарасы могли оставаться полыми или заполняться грунтом как полностью, так и частично. Во втором случае сторона срубов, обращенная к полю, делалась двойной и забивалась землей. В тарасах могли устраиваться подошвенные бойницы. Тарасные срубы иногда служили основанием для башни (надстройка над воротами) (рис. 1). Именно такую конструкцию можно видеть на гравюре Безобразова начала XVIII в. Она размещалась у подножия взвоза в качестве отдельного сооружения, так как по его сторонам были обрывистые берега реки (рис. 2).

В письменных источниках встречаются, на первый взгляд, аномально большие параметры ворот. Например, в Уртамском остроге в 1687 г. сооружены «ворота створные, поперег трех сажен» (Из доклада..., 1978, с. 60). Из этого описания не вполне ясно, что означает «поперег трех сажен», так как ширина ворот в 6,5 м представляется бессмысленной с практической точки зрения. В 1660-х гг. в Селенгинском остроге в центре западной стены острога находились проезжие «большие» ворота размерами приблизительно 9,4 м [Артемьев, 1999, с. 65; Минерт,

1988, с. 88]. Ворота с такими параметрами также представляются нефункциональными. Однако если под шириной ворот понимать не только ширину их створа, но и ширину срубов (тарас), в которых они устраивались, то данная аномалия разрешается.

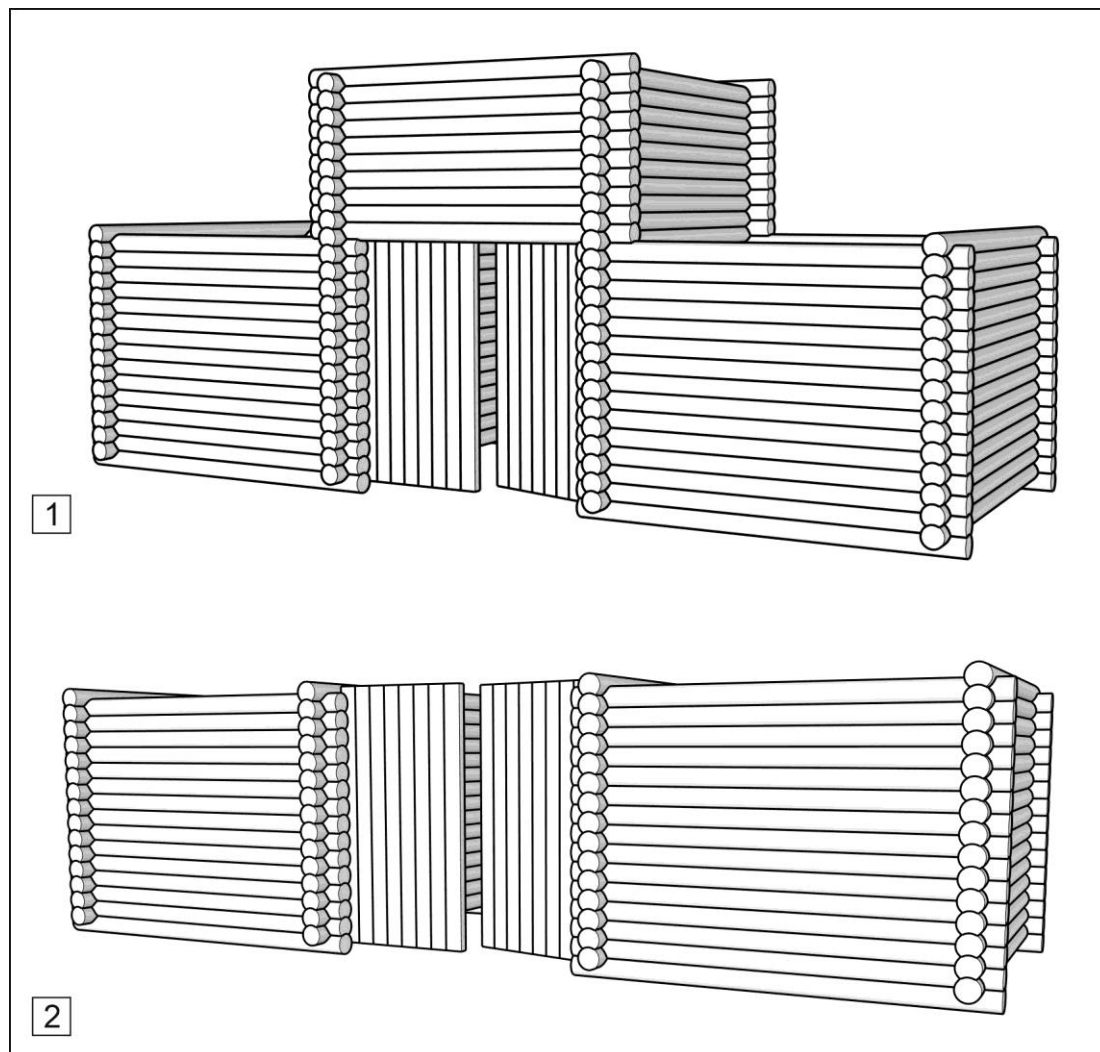

Рис. 1. Схемы устройства тарасных ворот: 1 – с башней; 2 – без башни

Рис. 2. Тарасные ворота с башней в Березове в начале XVIII в.
(Витсен, 2010, с. 910)

Еще одна функция тарас – подпирание стенок разреза вала для исключения его осыпания в проем проезда. А. Г. Нечаев пишет, что в 1681 г. в Атемаре «вместо средней башни в проходе в валу стояла стенка из тарас. <...> Тарасы использовали здесь, так как они более удобны, чем стоячий острог, для устройства прохода и его защиты. Ширина проема составляет сейчас

5 метров, а длина перекрывавших его тарас была 11 метров (5 саж.). Значит, тарасы частично заходили на вал и имели общий со стоячим острогом верхний боевой ход» [Нечаев, 2015, с. 111]. Автор ссылается на неопубликованный архивный документ, который нам недоступен, однако приведенных сведений достаточно, чтобы реконструировать устройство тарас. А. Г. Нечаев не обладал знанием о всем спектре конструкций и функций тарас, поэтому интерпретацию описания построил на понимании под тарасами крепостной стены. В результате получилась довольно странная конструкция: по гребню вала идет тыновая стена, которая на некотором расстоянии от разрыва в вале становится тарасной, «ныряет» в разрыв вала шириной 5 м, затем «выныривает» и еще на протяжении нескольких метров сохраняет тарасную конструкцию, продолжаясь далее в виде тыновой стены. Можно предложить иную интерпретацию, которая лишена странностей. В вале был устроен разрыв шириной 5 м. Чтобы стенки разреза вала не осыпались и не оплывали, перекрывая проезд, они были продублированы тарасами, которые представляли собой срубную конструкцию. Протяженность тарас была равна длине проезда и составляла 11 м. Срубы-тарасы должны были быть достаточно широкими и наполненными землей, чтобы не опрокинуться в разрыв вала под давлением грунта, из которого сложен вал. Возможно, что срубы-тарасы состояли из нескольких рядов клеток, по крайней мере у основания. Между тарасами по обеим сторонам разрыва в вале было 5 м, что достаточно для устройства проезда.

В. И. Кошелев предлагает аналогичную интерпретацию описания тарас в Белгороде в 1693 и 1695 гг.: «Внутри города к валу, который разрезается проездом, срублены тарасы, как сказано в “Росписи”, “взрублен узруб в тарасы”, или по сметной книге 1695 года “сделаны вновь, рублены деревянные иструбы и тарасы в дубовом лесу до мере по 8 сажен»” Этим укреплялись концы разрезанного проездом вала, чтобы не осыпалась земля» [Кошелев, 1950, с. 148].

В 1673 г. в Киеве на одном из участков фортификационных сооружений «преж сего стояла башня ветха, рублена в 6 стен, и с обеих сторон тое башни острог до тарасов старого вала» [Алферова, Харламов, 1982, с. 103]. По всей видимости, здесь говорится о том, что в вале был устроен разрыв, стенки которого подпирались от осыпания тарасами. В проеме была поставлена башня. Зазор между башней и тарасами перекрывался тыновой стеной. Приведенное описание позволяет предложить еще один вариант его интерпретации. Башня была поставлена перед проездом в вале. Проезд был защищен тарасными подпорными стенками от осыпания, а открытое пространство между башней и тарасами было перекрыто тыновыми стенами. В том же году в Киеве «от старой башни, которая в том выводе, до проезжих ворот взруб, укрепя с тарасами, чтоб ширину вала без помешки проезду прибавить» [Там же, с. 106]. Здесь говорится о том, что в вале устроен разрыв, в котором находились ворота. Перед воротами со стороны поля стояла башня, через которую шел путь к воротам в вале. Предполагалось увеличить ширину вала. Это угрожало тем, что новая насыпь будет стекать на дорогу, которая соединяет выводную башню с воротами. Чтобы не допустить этого, было решено вдоль дороги между башней и проездом построить тарасы. В Белгороде и Киеве, как и в Атемаре, тарасы должны были иметь срубную конструкцию и заполняться грунтом (рис. 3). Тарасы в качестве подпорок разрезов валов выявлены в ходе раскопок в Смоленске и Самаре.

Тарасы, выполняющие подпорную функцию, были широко распространены и в гражданском зодчестве. Они применялись для предотвращения размыва берега в Вязьме (1676) (Материалы по истории..., 1912, с. 42), Можайске (1626) (Можайские акты..., 1892, с. 120), Олонце (1683–1685) [Мильчик, Ушаков, 1981, с. 114], Опочке (1656, 1684) (Дополнения к актам..., 1872, с. 10, 11; Сборник Московского архива..., 1914, с. 435), Пскове (1670) (Сборник Московского архива..., 1914, с. 178), Тамбове (1636, 1662, 1694/1695) [Воротникова, Неделин, 2016] (Известия Тамбовской..., 1892, с. 113), Тюмени (1657) (Дополнения к актам..., 1851, с. 96), Юрьевце Подольском (1676) (Материалы по истории..., 1912, с. 42) (рис. 4).

Тарасы, заполненные грунтом, составляли основу конструкции плотин на реках (Русская Историческая Библиотека..., 1904, ст. 776, 777, 895; Прибыльные дела..., 2000, с. 68) [Словарь..., 1988, с. 47].

Возможно, тарасы подпирали не только валы и берега водоемов, но и башни. Однако судить об этом в настоящее время можно только предположительно в силу крайней ограниченности

источниковой базы. В. Н. Неделин пишет, что в 1672/1673 г. в Ливнах «для предохранения от обвала воротная башня была укреплена с двух сторон подпорными стенами – тарасами, засыпанными землей. От Ливенских ворот стена шла по гребню крутого берега реки Сосны до Средней “безверхой” башни, также укрепленной от обвала тарасами» [Неделин, 2012, с. 279]. Автор ссылается на недоступный нам архивный документ, поэтому по пересказу источника остается только гадать, о каких тарасах идет речь: о подпорных стенках крутого берега реки, о тарасах-подпорках башен или об обоих этих конструкциях. В 1626 г. в Новгороде была «башня Веденская о шти углах. <...> Да у той же башни два тараса, по полторы сажени тарас» (Новгород Великий..., 1986, с. 11). По всей видимости, в данном сообщении речь идет не о тарасной стене, а об особых тарасах, которые подпирали башню, так как говорится только о двух тарасах и их размерах. Вряд ли стоило это делать, если бы имелись в виду тарасные стены между башен. По описанию 1633 г., в Смоленске «у средней де башни для крепости были зарублены тарасы, и те де тарасы, как башню сбили, свалились за город» (Акты Московскаго..., 1890, с. 482). В этом описании речь может идти либо о тарасах, поставленных на верху башни, как это было сделано в Вологде, либо о тарасах-подпорках для башни. Вероятно, говорится все же о подпорках, так как если сбита башня, то специально сообщать о том, что тарасы на ней тоже упали не имеет смысла. В. М. Жигалов, давая обобщенную характеристику восьмистенных башен на Белгородской черте, пишет, что «все башни такой конфигурации были смонтированы в два бревна, между которых обязательно насыпалась земля. Как правило, такие башни в основании имели дополнительные конструкции в виде тарасов, значительно повышавших их прочность» [Жигалов, 2021, с. 93]. В данном случае речь может идти о двух возможных конструкциях тарас: либо это двойные стены с заполнением грунтом как в тарасных стенах, либо – подпорки башни.

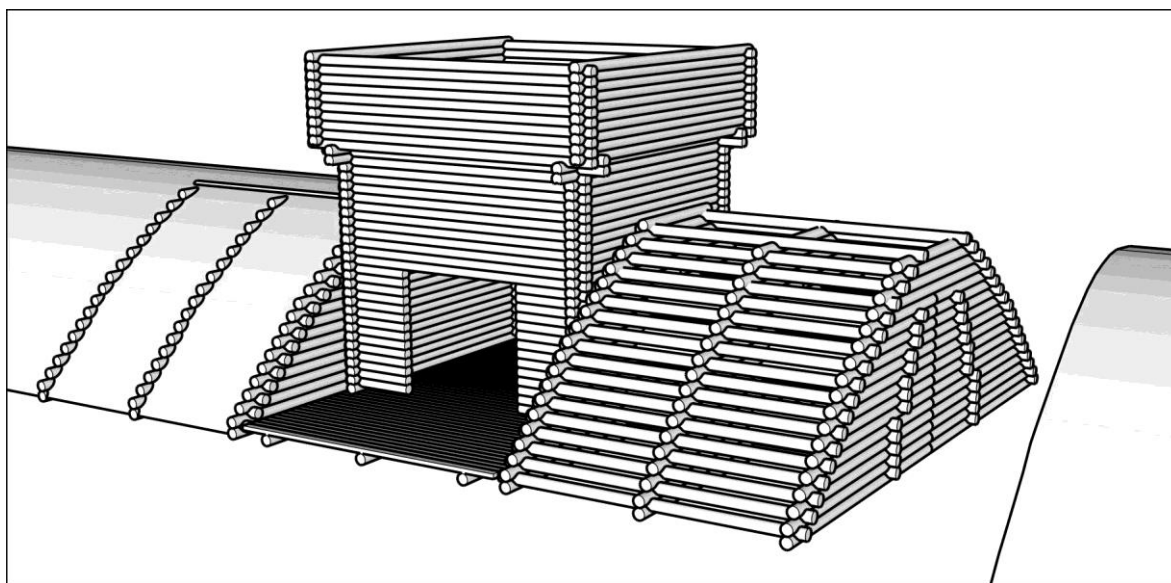

Рис. 3. Схема размещения башни между тарасами, служащими подпоркой разрезов вала

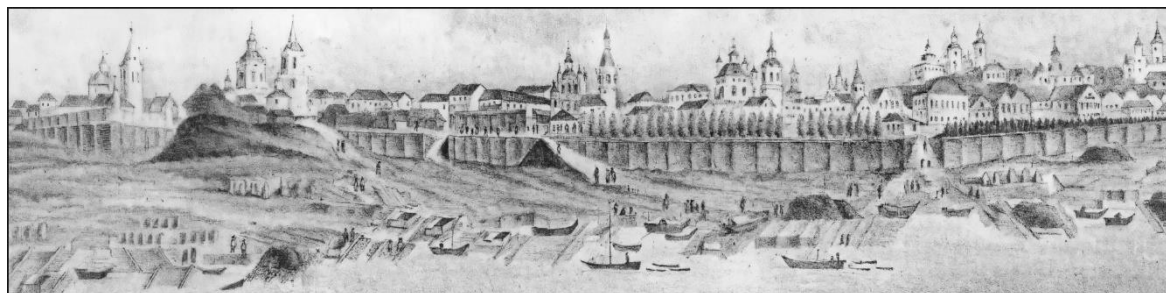

Рис. 4. Подпорные стенки (тарасы) на набережной Енисейска [Вторая Памятная книжка..., 1865]

Высокие башни были довольно неустойчивыми сооружениями, так как имели относительно небольшую площадь основания по отношению к высоте сруба, поэтому нуждались в дополнительных конструкциях, которые препятствовали бы их крену. Особенно это было актуально на подвижных грунтах. Бороться с этим можно было путем увеличения площади основания башни за счет пристраивания к ней дополнительных срубов, которые в источниках названы тарасами. Эти срубы должны сочленяться (врубаться) с башней и наполняться грунтом, чтобы удерживать от подвижек массивную конструкцию башни. Располагаться такие тарасы могли только по бокам башен в линии примыкающих стен, так как высокие башни обычно были проездными. Но в любом случае не с напольной стороны, так как в таком случае у подножия тарасов образуется мертвая зона, в которой может в безопасности находиться противник во время осады (рис. 5).

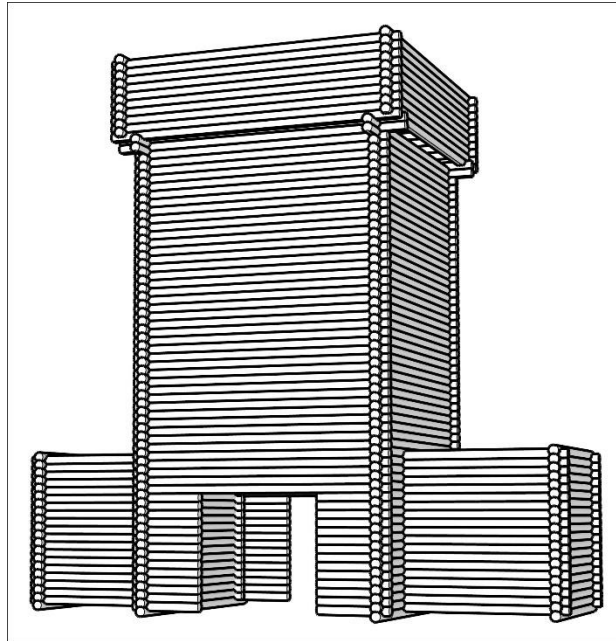

Рис. 5. Схема сочетания высокой башни с тарасами-подпорками

При описании засечных черт упоминаются тарасы и тарасные валы. Вопрос об их конструкции практически не разработан. Лишь В. Хохряков в начале XX в. при описании Инсарской черты конца XVII в. ясно высказался об устройстве тарасных валов: «Насыпались между двух бревенчатых стен по длине черты» (Труды Пензенской..., 1903, с. 20, 21). Однако это мнение не было замечено научным сообществом. Прочие исследователи пересказывают содержание письменных источников, во многих случаях подразумевая какую-то конструкцию, но не конкретизируя ее.

Исходя из уже имеющихся знаний об устройстве тарас различного функционального назначения, можно предположить, что под ними на засечных чертах упоминаются либо тарасные стены в виде отдельных срубов, поставленных на некотором расстоянии друг от друга и соединенных между собой одинарной стеной, либо отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга и заполненные грунтом, то есть во всем подобные тарасам, служившим заменой зубцов на каменных стенах.

Анализ письменных источников показывает, что во многих случаях тарасы устанавливались в низких, топких и заболоченных местах. Например, в 1637 г. на Атемаро-Саранской черте «в затопливаемой пойме Иссы вал заменяли тарасы» [Нечаев, 2015, с. 153]. В 1669 г. на Белгородской черте в долине р. Ворскла «тарасами и надолбами был перекрыт лог, разделявший деревню Добринскую... и деревню, принадлежавшую “сыну боярскому Ивану Гнилову с товарищи”» [Загоровский, 1969, с. 170], а у р. Сосенка «местность понижалась. На заливном лугу земляной вал по обыкновению обрывался и продолжался уже в виде тарасов» [Там же, с. 194]. В то же время на восточном берегу р. Усмань «к концу вала примыкали рубленые тарасы, ко-

торые тянулись на 11 сажений по болотистой пойме реки» [Там же, с. 224]. В 1652 г. на Готневских ржавцах нужно было «между ними насыпать тарасы» [Багaley, 1887, с. 227]. При описании Щегловского вала в 1637 г. сообщается: «Боярак, бывали на нем рубленные тарасы восемь сажен. <...> А в трех местех в баяраках были рубленные тарасы» [Бурцев и др., 2020, с. 463].

Низкие и топкие места сами по себе являются препятствием для прохождения степной конницы. Возведение на таких участках тарасных стен было лишено смысла. К тому же протяженность тарас была относительно небольшой (упоминаются отрезки в 11 и 21 сажений) [Загоровский, 1969, с. 194, 224]. Значит, их можно было легко обойти по соседним приподнятым сухим участкам местности. На этом основании следует отклонить версию, что тарасы на засечных чертах представляли собой подобие тарасных стен в городах и острогах. По тем же причинам необходимо отказаться и от версии, что тарасы были отдельными срубам, заполненными грунтом, поставленными на некотором расстоянии друг от друга.

Так как у нас нет иных правдоподобных версий о конструкции тарас на засечных чертах, то необходимо предположить, что тарасы и тарасные валы – это однотипные сооружения, и рассмотреть единственную существующую версию относительно устройства тарасных валов, высказанную В. Хохряковым. Данная версия находит в письменных источниках множество подтверждений. Неоднократно упоминается о том, что тарасы и тарасные валы на засечных чертах имели срубную конструкцию: на Белгородской черте в 1648 г. (Акты Московского государства..., 1894, с. 239), на той же черте на восточном берегу р. Усмань в 1669 г. [Загоровский, 1969, с. 224], на Вожской засеке в 1638 г. (Акты Московского государства..., 1894, с. 88), на Закамской черте в 1650-х гг. [Буканова, 2010, с. 185]. В некоторых описаниях дополнительно сообщается, что «рублены тарасы клетками косые» (Белгородская черта у р. Сосенка, 1669 г.) [Загоровский, 1969, с. 194], «вал з деревом рубить в клетки накос» (Керенская черта, 1680 г.) [Лебедев, 2006, с. 25], «срублены тарасы клетчатые и насыпаны землею» (Кречкова поляна на Ногайской стороне реки Воронежа, 1654 г.) [Вейнбергъ, 1886, с. 137]. Следовательно, тарасы представляли собой не стенку из горизонтальных бревен, а две параллельные венчатые стены с перерубами. Иногда в тарасах перерубы совершались не под прямым углом (были косыми).

В некоторых случаях ширина и высота тарас были одинаковыми и находились в диапазоне от 1 до 1,5 сажений [Амирханов, 2000; Воротникова, Неделин, 2016; Лебедев, 2006, с. 25] (Акты Московского..., 1894, с. 239). Часто сообщается о том, что тарасы заполнялись землей [Багaley, 1887, с. 227; Буканова, 2010, с. 185; Вейнбергъ, 1886, с. 137; Воротникова, Неделин, 2016; Загоровский, 1969, с. 193, 194, 224; Лебедев, 2006, с. 25; Тинский, 1976, с. 31] (Акты Московского..., 1894, с. 88, 239). Вероятно, это делалось всегда, даже если в источниках не упоминается об этом.

Основываясь на мнении В. Хохрякова об устройстве тарас на засечных чертах и данных письменных источников, представленных выше, можно в общих чертах реконструировать устройство тарас (тарасных валов). По всей видимости, было два вида этих укреплений. Первый из них представлял собой две параллельные венчатые стены с перерубами, заполненными грунтом. Ширина и высота их составляли 1–1,5 сажени. Второй был представлен срубам в 3–5 венцов. В таком случае ширина тарас должна была достигать трех сажений (при 3 венцах) или меньше (при 4–5 венцах) при высоте в 1 сажень. Ширина и высота таких тарас определялась предельным углом склона насыпи, при котором она не будет осыпаться. Назначение тарасных валов было тем же, что и обычных. Тарасные конструкции требовались, чтобы предотвратить расползание и размывание насыпи. Именно поэтому тарасы устраивались в низинах и на топких местах, где под воздействием влаги, особенно во время паводков, обычные валы размывались водой. Сооружались тарасы и на сыпучих песчаных грунтах, как это имело место на Белгородской черте в районе Нового Оскола («для того, что то место пещано») [Загоровский, 1969, с. 193]. Исходя из назначения тарасной конструкции, которая была призвана не допускать расползания и размыва насыпи, можно предполагать, что в большинстве случаев тарасы были в 3–5 венцов, чего вполне достаточно для сохранения целостности вала (рис. 6).

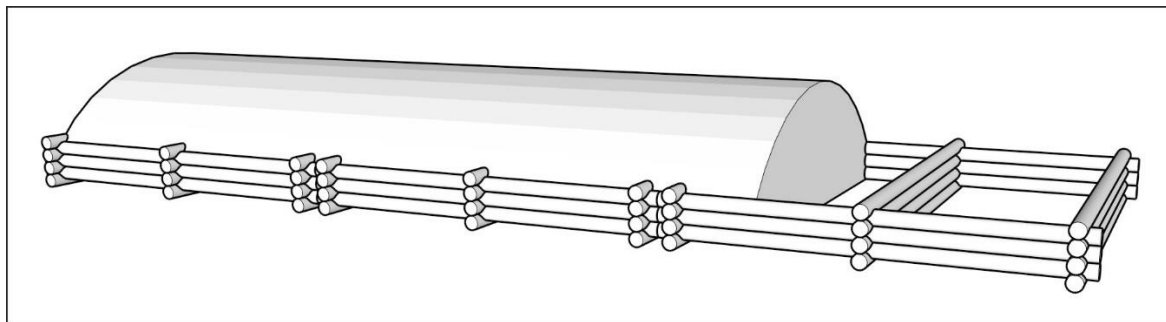

Рис. 6. Схема устройства тарасного вала

В собранной источниковой базе отсутствуют какие-либо сведения, которые противоречили бы представленной концепции тарас (тарасных валов) на засечных чертах. Однако Г. Перетяткович в книге 1882 г. утверждает, что около Ерыклинского и Кичуевского острогов, а также около Заинска был «тарасный вал, увенчанный обламами» [Перетятковичь, 1882, с. 152, 160, 162]. Автор не указывает источник этих сведений. Невозможно представить, чем могли бы быть обламы на валу, даже если он тарасный. Возможно, обламы в источнике сведений Г. Перетятковича вовсе не упоминаются, а появились они в тексте книги по аналогии с тарасами, служившими стенами городов и острогов. Разрешить это противоречие станет возможным только когда будет обнаружен источник сведений Г. Перетятковича.

Такой элемент конструкции вала как тарасы применялся не только на засечных чертах, но и при возведении и ремонте валов, окружавших стены городов и острогов. Например, в 1718 г. в Ахтырке «рублена... стена из разнога лесу в две стены, в ширину по 2 саж. и насыпана землею и навозом, а поверх стены поставлены палисады острые и туры насыпанные-ж землею» (Крепости и гарнизоны..., 1897, с. 52). По мнению А. Г. Тинского в 1663 г. в Вятке «с внутренней стороны вал был укреплен “бревнами в тарасы” – рядами, заполненными землей» [Тинский, 1976, с. 31]. По всей видимости, о них же идет речь в публикации современных исследователей: «Со стороны р. Вятки вал от оплывания защищали срубы из пяти рядов толстых бревен» [Кайсин и др., 2022, с. 85].

Тарасами в письменных источниках иногда называют *бруствер*. Редкость употребления термина в таком значении вызвано тем, что в источниках не часто описываются подобные сооружения в качестве самостоятельной конструкции. В Киеве в 1673 и 1674 гг. при характеристике фортификационных сооружений они фигурируют по меньшей мере дважды: «Кругом раскату вдлину 13 сажен с полусаженью. На раскате тарасы в 2 стены шириной полсажени» и «на раскате тарасы в 2 стены» [Алферова, Харламов, 1982, с. 100, 118]. Раскаты представляли собой площадку, приподнятую над уровнем местности, с которой действовала артиллерия. Следовательно, под тарасами в данном случае нельзя подразумевать обычную тарасную стену, так как артиллерийская стрельба из-за нее была бы невозможна. Вероятнее всего, в данном случае под тарасами понимается бруствер. Он должен быть не выше роста человека (около 170 см) и иметь проемы для стрельбы из пушек. В известной мере такие тарасы были аналогом тарасных зубцов на стенах каменных и кирпичных крепостей. Из приведенных данных также становится известно, что стены толщиной в 1 м достаточно, чтобы защитить людей, обслуживающих артиллерию. Вряд ли стена была чисто деревянной. Скорее всего, деревянными были только внешние стенки, а внутреннее пространство заполнялось грунтом. Если предположить, что диаметр бревен, из которых сооружался тарасный бруствер был 20–25 см, то толщина слоя грунта составляла всего 50–60 см.

В Новгороде в 1626 г. «на... быку зарублено тарасом четыре венца» (Новгород Великий..., 1986, с. 10). Из данного фрагмента не вполне ясно, о каком сооружении идет речь. Но описание 1631 г. позволяет прояснить этот вопрос: «По верху... на тех отводных земляных быках вместо тарасов выкладено дерном вверх по полусажени. А поверх дерну взрублено для брев только в четыре бревна» (Там же, с. 27). По всей видимости, в первом случае в Новгороде речь идет о двойной рубленной стене с заполнением грунтом, так как во втором примере говорится, что тарасы были заменены стеной из дерна. Служили такие брустверы для защиты ору-

дий и их обслуги на быках, как и в Киеве на раскатах. Приведенная конструкция во всем подобна двойным стенам с заполнением грунтом в венчатых тарасных стенах, которая также называлась тарасами [Горохов, 2025b].

В Царственной книге при описании осады Казани русским войском тарасы фигурируют в качестве некоего внушительных размеров сооружения, наполненного грунтом: «У них у всяких ворот за рвом тарасы великие землею насыпаны» (Царственная книга..., 1769, с. 290). М. Богдановский, интерпретируя это сообщение, полагал, что «татары перед воротами ставили деревянные срубы, наполненные землею» [Богдановский, 1898, с. 8]. Мы считаем, что он был прав. Отметим лишь, что тарасы могли представлять собой либо две параллельные венчатые стены с перерубами, наполненные грунтом, либо отдельные срубы с грунтовым заполнением, поставленные на некотором расстоянии друг от друга как тарасы вместо зубцов на каменных (кирпичных) стенах. Возможно, именно такие тарасы были поставлены в 1642 г. в Москве: «В земляном городе у Московских ворот поставили тарасы на 30 саженьях и велели засыпать их землей» [Жигалов, Бобов, 2017, с. 37]. Фортификационный смысл подобных конструкций заключался в следующем. Для того, чтобы разрушить каменные стены или башни, осадные орудия необходимо было подвести к самому рву крепости. В противном случае мощности осадных орудий середины XVI в. было бы недостаточно для этого. Чтобы подвести орудия ко рву, предварительно необходимо было у рва разместить туры – плетеные коробки – и наполнить их грунтом. Только после этого под прикрытием туров можно было установить осадные орудия. Для противодействия такому приему штурмующих гарнизон крепости заранее возводил перед предполагаемым местом действия осадной артиллерии тарасы – бревенчатые срубы, наполненные землей. При осаде Казани в 1552 г. тарасы устанавливались за рвом (со стороны поля) перед городскими воротами. В результате складывалась тупиковая ситуация. Тарасы осаждающих и туры осаждаемых оказывались почти вплотную друг к другу. Действие осадной артиллерии по стенам крепости в таких условиях было невозможно, так как на траектории полета ядер оказывались тарасы. Задача осаждающих в такой ситуации заключалась в том, чтобы устранить препятствие в виде тарас. Для этого под тарасы из-за туров делался подкоп, в котором помещались бочки с порохом. Их взрыв уничтожал тарасы, что ярко описано в письменных источниках о взятии Казани русским войском в 1552 г. Задача же осаждающих заключалась в том, чтобы совершать вылазки из-за тарасов с целью не позволить осаждающим разместить за турами артиллерию, накопить боезапас и штурмовые отряды, а также выкопать ход под тарасы. Коммуникация с крепостью у защитников тарас происходила через подземные ходы, так как открывать ворота было опасно. Из-за туров могла последовать атака пехоты осаждающих с проникновением непосредственно в крепость. Действия гарнизона крепости столь же ярко, как и действия осаждающих, описаны в русских источниках.

Использовались тарасы и штурмующими. О подготовке к осаде Казани в 1552 г. сообщается: «Башни и тарасы рубленные велел привести, яже уготовлены, против Казани поставить» (Царственная книга..., 1769, с. 261). Из этого описания следует, что тарасы – это некое стационарное сооружение. Однако в дальнейшем описании сражения у стен Казани тарасы штурмующих не упоминаются. Можно предположить, что тарасы и башни служили возвышенной платформой для размещения артиллерии. Они находились на относительно безопасном расстоянии от крепости. Стрельбу с них вели из специальных орудий по навесной траектории вглубь крепости, а не по стенам и башням. За счет возвышенности платформы размещения орудий достигалась большая дальность поражения. О таких обстрелах сообщают письменные источники.

Сообщается о применении тарас при осаде Троице-Сергиевой лавры в Смутное время: «Множество пеших Литовских людей и Руских изменников устремишася к монастырю со всех стран с лествицы и со щитами и с тарасы рублеными на колесех и заиграша во многия игры, начата приступати ко граду». Далее говорится об успешных действиях гарнизона и о том, что «тарасы их и щиты и лествицы и прочая козни взявше во град» (История государства Российского, 1829, с. 79, 91). При штурме Троице-Сергиевой лавры, напротив, речь идет о подвижных тарасах рубленной конструкции на колесах. Возможно, подобные тарасы показаны на иллюстрации в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Однако в ней они названы подвижными редутами (рис. 7). Третий вариант «штурмовых» тарас упомянут в описании взя-

тия крепости Ула: «...[ру]блеными тарасы, оные перед собою катячи, перекоп деревом наполнили» (Историко-Юридическіе..., 1891, с. 413). По всей видимости, при осаде крепостей применялись тарасы нескольких типов и функционального назначения.

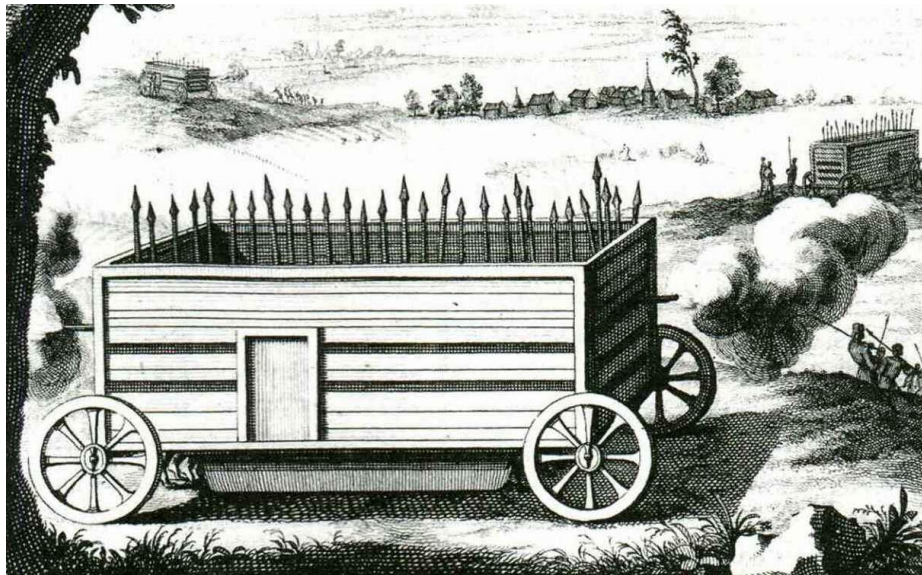

Рис. 7. Подвижные редуты (Витсен, 2010, с. 968)

Результаты исследования, представленные в настоящей статье, а также выводы проведенных ранее исследований показывают, что под термином «тарасы» в письменных источниках второй половины XVI – XIX в. подразумевается весьма широкий спектр конструкций, обусловленных их функциональным назначением. Из контекста документов часто можно приблизительно понять, о какой разновидности тарас идет речь. Эти особенности необходимо учитывать при разработке проблематики устройства оборонительных сооружений городов, острогов и объектов гражданского назначения, а также при интерпретации материалов археологических исследований.

Примечания

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Список источников

- Акты Московскаго государства, изданные Императорскою академіею наукъ. Т. II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635–1659. СПб.: Тип. Императорской Академіи наукъ, 1894. 819 с.
- Акты Московскаго государства. Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571–1634. СПб.: Тип. Императорской Академіи наукъ, 1890. 802 с.
- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. 611 с.
- Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею. СПб.: въ тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. IV. 452 с.
- Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею. СПб.: Тип. В.В. Печатъ, 1872. Т. XII. 469 с.
- Из доклада в Сибирском приказе Томского сына боярского Юрия Соболевского о строительстве им Уртамского острога // Из истории земли Томской. 1604–1917. (Сборник документов и материалов). Томск: Запад.-Сибир. кн. изд-во. Томск. отд-ние, 1978. Вып. 1. С. 60–61.
- Известія Тамбовской ученой архивной комиссіи. Тамбовъ: Тип. Губернскаго Правленія, 1892. Вып. XXXIII. 139 с.
- Исторія государства Россійскаго. СПб.: въ Тип. Н. Греча, 1829. Т. XII. 583 с.
- Историко-Юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Витебскъ: въ Типо-Лит. Г.А. Малкина, 1891. Вып. 22. 557 с.

- Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. Извлечение из современного отчета Киевской губернии. СПб.: Воен. Тип., 1897. 81 с.
- Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. I. Писцовая и межевая книги по городу Юрьевцу Поволжскому и Средецкой слободе 7184 (1676) года. Кострома: Губерн. Тип., 1912. 286 с.
- Можайские акты 1506–1775. СПб.: [Б. и.], 1892. 512 с.
- Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М.: [Б. и.], 1986. 316 с.
- Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 400 с.
- Русская Историческая Библиотека. Т. XXIII. Дела Тайного приказа. Кн. III. СПб.: Сенат. тип., 1904. 960 с.
- Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. Псков и его пригороды. Кн. II. М.: [Б. и.], 1914. 569 с.
- Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза: Тип. Губерн. Правления, 1903. Кн. I. 234 с.
- Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061. СПб.: при Императорской Академии Наукъ, 1769. 353 с.

Библиографический список

- Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк. Киев: Наукова Думка, 1982. 166 с.
- Амирханов Р.Х.* Закамские засечные линии // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Казань: Дом печати, 2000. С. 57–67.
- Артемов А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Багалец Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: вь Университ. Тип. (М. Катковъ), 1887. 634 с.
- Богдановский М.* Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 г.г. (1552). СПб.: Тип. и Лит. В.А. Тиханова, 1898. 88 с.
- Богословский М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. I. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синод. Тип., 1909. 432 с.
- Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
- Бурцев И.Г., Дедук А.В., Столяров Е.В.* Засечная черта Русского государства XVI–XVII вв. Историко-археологические очерки. Тула: Куликово поле, 2020. 558 с.
- Вейнберг Л.Б.* Городъ Воронежъ (исторический очеркъ). Воронежъ: Типо-лит. Губернского Правления, 1886. 216 с.
- Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России. М.: Индрик, 2016. Т. 2, кн. 1. 556 с.
- Вторая Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. СПб.: вь Тип. К. Вульфа, 1865. 357 с.
- Горохов С.В.* «Высокие» тарасы с тыном в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII века // Краткие сообщения Института археологии. 2024. Вып. 277. С. 387–398. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.277.387-398.
- Горохов С.В.* Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII веков // Нижневолжский археологический вестник. 2025b. Т. 24, № 2. С. 103–124. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2025.2.6.
- Горохов С.В.* Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII веков // Вестник Новосиб. гос. ун-та. История, Филология. 2025a. Т. 24, № 5. С. 137–147. DOI: 10.25205/18187919-2025-24-5-137-147.
- Жигалов В.М.* Классификация и типология укреплений городов Белгородской черты // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: Изд-во Е.В. Сичкаревой, 2021. Вып. 6. С. 67–102.
- Жигалов В.М., Бобов А.Г.* Город-крепость Яблонов // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: Константа, 2017. Вып. 2. С. 29–42.

- Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 315 с.
- Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 82–94.
- Кошелев В.И. Чертеж Белгорода Меньшого 1693 года. Отдельный оттиск из «Известий Воронеж. госуд. педагог. института», т. XII, вып. 1. Воронеж: [Б. и.], 1950. С. 145–156.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Новые данные об оборонительных укреплениях Новгорода // Новгород. ист. сборник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 3. С. 124–136.
- Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.
- Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1981. 129 с.
- Минерт Л.К. Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 80–107.
- Неделин В.М. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел: Вешние воды, 2012. 560 с.
- Нечаев А.Г. Крепости XVI–XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск: Изд. В.С. Афанасьев, 2015. 224 с.
- Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленаго, 1882. 406 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14 (Отрава – Персоня). М.: Наука, 1988. 314 с.
- Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1976. 229 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.04.2025

TARASY IN FORTIFICATIONS AND CIVIL ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN STATE

S. V. Gorokhov

Novosibirsk State University, Pirogov str., 2, Novosibirsk, 630090, Russia
gorokhov.sv@yandex.ru
Scopus Author ID: 26428740200
Researcher ID: P-9710-2016
SPIN-код: 3286-3059

The aim of the study was to clarify the meaning of the term *tarasy*, which denoted various structures in fortification and civil architecture in the Russian (Russian) state from the second half of the 16th to the 19th centuries. The source base of the study is represented by written, archaeological, and ethnographic materials. The article reconstructs the design of *tarasy* as gate foundations, consisting of two log frames placed at a certain distance from each other, with gates installed between them. In some cases, a tower superstructure above the gate passage could rest on the *tarasy* log frames. *Tarasy* filled with soil served as retaining walls for rampart cuts at their breaks, where passages were constructed. Log *tarasy* were also integrated into the sides of tall towers, likely filled with soil, to increase the base area of the towers and lower their center of gravity, enhancing stability. In low, marshy areas along defensive lines (*zasechnye cherty*), short *tarasy* were built. Two types of such *tarasy* are identified: 1) Two parallel crowned walls with crosspieces, filled with soil (height and width of 1–1.5 *sazhens*); 2) Two parallel crowned walls with crosspieces, 3–5 rows high, containing an earthen fill inside. *Tarasy* also functioned as parapets on gun platforms (*raskaty*) and bastions (*byki*), protecting artillery and its crew during battle. Very limited data exist on individual *tarasy* log frames filled with soil, used as field fortifications, assault *tarasy*-towers, and relatively small mobile *tarasy* employed in fortress sieges. In civil architecture, *tarasy* were used as embankments forming riverfronts and as the body of river dams. The findings of this study, along with conclusions from prior research, demonstrate that the term "*tarasy*" in written sources from the second half of the 16th to the 19th century encompassed a wide range of structures, determined by their functional purposes.

Key words: Russian state, fortification, defensive lines, civil architecture, *tarasy*, gates, rampart cuts, tower, log-reinforced rampart, parapet, embankment, dam.

Acknowledgments

The study was conducted as part of the implementation of the State assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under project No. FSUS-2025-0009 "Features of the formation of

intercultural communications in Siberia - from the Stone Age to the early modern period (based on archaeological and written sources)".

References

- Alferova, G. V., & Kharlamov, V. A. (1982). *Kyiv in the second half of the 17th century: A historical and architectural essay*. Naukova Dumka.
- Amirkhanov, R. Kh. (2000). The Zakamsk defensive lines. In *Almetyevsk region: Problems of historical and cultural heritage* (pp. 57–67). Dom pečati.
- Artemyev, A. R. (1999). *Towns and stockaded forts of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th–18th centuries*. [Publisher unknown].
- Bagaley, D. I. (1887). *Essays on the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state*. Universitetskaya Tipografiya (M. Katkov).
- Bogdanovsky, M. (1898). *An engineering-historical essay on the siege of Kazan in 7060–7061 (1552)*. Tipografiya i Litografiya V. A. Tikhanova.
- Bogoslovsky, M. (1909). *Zemstvo self-government in the Russian North in the 17th century. Vol. I: Regional division of Pomorye. Land tenure and social structure. Self-government bodies*. Sinodalnaya Tipografiya.
- Bukanova, R. G. (2010). *Fortress towns on the territory of Bashkortostan in the 16th–17th centuries*. Kitap.
- Burtsev, I. G., Deduk, A. V., & Stolyarov, E. V. (2020). *The zasechnaya cherta (abatis line) of the Russian state in the 16th–17th centuries: Historical and archaeological essays*. Kulikovo Pole.
- Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Issue 14 (Otrava – Personya)*. (1988). Nauka.
- Gorokhov, S. V. (2024). "High" taras walls with a tyn in the Russian state from the second half of the 16th to the early 18th century. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 277, 387–398. <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.277.387-398>
- Gorokhov, S. V. (2025a). Taras walls and "walls in two walls" in Russian fortification in the 16th – early 18th centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, Filologiya*, 24(5), 137–147. <https://doi.org/10.25205/18187919-2025-24-5-137-147>
- Gorokhov, S. V. (2025b). Construction of crowned taras walls in the Russian state from the second half of the 16th to the early 18th century. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*, 24(2), 103–124. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.6>
- Kaysin, A. O., Borisova, A. M., & Glazyrina, M. K. (2022). The Khlynov Kremlin in the 16th–18th centuries according to archaeological data. *Istoriko-geograficheskij zhurnal*, 1*(1), 82–94.
- Koshelev, V. I. (1950). Drawing of Belgorod Menshoy of 1693. Separate reprint from *Proceedings of Voronezh State Pedagogical Institute* (Vol. 12, iss. 1, pp. 145–156). [Publisher unknown].
- Kuzmina, N. N., & Filippova, L. A. (1989). New data on the defensive fortifications of Novgorod. *Novgorod historical collection* (Issue 3, pp. 124–136). Nauka, Leningrad Branch.
- Lebedev, V. I. (2006). *Legend or true story: In the footsteps of the abatis guards*. GUMNITs.
- Milchik, M. I., & Ushakov, Yu. S. (1981). *Wooden architecture of the Russian North: Pages of history*. Stroyizdat, Leningrad Branch.
- Minert, L. K. (1988). Monuments of the initial stage of urban planning in Buryatia. In *Monuments of history, archaeology and architecture of Siberia* (pp. 80–107). Nauka, Siberian Branch.
- Nechaev, A. G. (2015). *Fortresses of the 16th–17th centuries in the Sura-Moksha interfluve*. V. S. Afanasyev Publishing House.
- Nedelin, V. M. (2012). *Ancient towns of the Oryol land. 12th–18th centuries: History. Architecture. Life and customs*. Veshnie Vody.
- Peretyatkovich, G. (1882). *The Volga region in the 17th and early 18th centuries (essays on the history of colonization of the region)*. Tipografiya P. A. Zelenogo.
- Second commemorative book of Yenisei province for 1865 and 1866*. (1865). Tipografiya K. Vulfa.
- Tinsky, A. G. (1976). *Planning and building of the town of Vyatka in the 17th–19th centuries*. Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, Kirov Branch.
- Veinberg, L. B. (1886). *The town of Voronezh (a historical essay)*. Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya.
- Vorotnikova, I. A., & Nedelin, V. M. (2016). *Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state in the 15th–17th centuries. Vol. 2, book 1: Fortresses of southern Russia*. Indrik.
- Zagorovsky, V. P. (1969). *The Belgorod line*. Voronezh University Press.
- Zhigalov, V. M. (2021). Classification and typology of fortifications of the towns of the Belgorod line. In *Belgorod line: Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line* (Issue 6, pp. 67–102). E. V. Sichkareva Publishing House.
- Zhigalov, V. M., & Bobov, A. G. (2017). The fortress town of Yablonov. In *Belgorod line: Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line* (Issue 2, pp. 29–42). Konstanta.